

*Мартемьянова Е.О.**

Взгляд «снизу» на распределение налогового бремени в Провансе (XIV-XVIII вв.)

Аннотация: В статье детально рассматривается процедура налогообложения собственности в дореволюционной Франции. В ней освещены основные направления в сфере исследований кадастров, проделан подробный разбор методов оценки и обложения собственности. Автор дает определения ключевых понятий, характерных для южных провинций дореволюционной Франции: «афуажмент», «кадастр», «фё». С помощью обширного архивного материала автор указывает на доселе не известные факты кадастровой оценки в Провансе. Данная статья должна послужить подспорьем для изучения фискальной истории Франции Старого порядка и позволяет взглянуть на проблему централизации монархии «снизу», с точки зрения провинциальной администрации и отдельной общины.

Ключевые слова: афуажмент, кадастр, провинциальное управление, Старый порядок, Франция

УДК 94(44) "13/17"

Abstract: This article treats the encadastrement in the Old regime Provence. It clarifies main studies of cadasters in contemporary historiography and contributes by a detailed analysis of criteria and methods of “encadastrement”, characteristic to “decentralized” provincial administration. The author gives definition to main terms concerning southern “pays d’États” compared to practice. Important archive documentation used by the authors addresses to yet unknown sides of encadastrement in Provence and to argue on bottom-up viewed administration at the end of 18th century. The article contains a translation of the first transcription of the rules of “encadastrement” in Provence (1724).

Key words: affouagement, cadaster, France, Old regime, provincial administration

Стремление расширить налогооблагаемую базу и улучшить контроль над распределением налогов замечено во многих европейских государствах с конца XVII в. В 1763 г. в целях эффективного распределения налогов и оптимизации сборов во Франции было предложено ввести всеобщий кадастр¹. Но эта идея была не нова, а отчасти подсказана уже накопленным опытом провинций.

* *Мартемьянова Екатерина Олеговна* - аспирантка кафедры новой и новейшей истории исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова и исследовательского центра CRHEC Университета Пари-Эст Кретьей (Франция) (e-mail: c.martem@gmail.com)

¹ *Alimento A. Le rêve de l'uniformité face à l'impôt: le projet du premier cadastre général en France // Histoire & Mesure. 1993. Т. 8. № 3-4. Р. 387.*

Первые упоминания о средневековых землемерах относятся к Италии XII в. Словарь Фюретьера указывает этимологию слова «кадастр» от итальянского «catasto»². В Южной Франции самая ранняя находка кадастра относится к XIV в.³ Заметим, что в южных провинциях штатов, Лангедоке и Провансе, использовались два названия: «компуа» (*compoix*) и «кадастр» (*cadastre*) соответственно.

Кадастровые документы использовались для учёта налогооблагаемой (ротюрной) собственности и её оценки. Кадастр представлял собой ключевой элемент в процессе распределения королевских и провинциальных налогов, так как большая их часть, кроме капитации, была выкуплена с помощью так называемых «абонементов» (*abonnement*), и после вотирования заранее оговоренная сумма распределялась среди податного населения.

Несмотря на трудности, возникающие при работе с кадастровыми документами (частичная сохранность, дисперсность хранения в архивах), этот тип исторического источника был довольно подробно изучен. Начиная с 1938 г., во французской научной печати стали появляться обзорные статьи и конкретно-географические исследования, посвящённые общинному землепользованию⁴. За последние два десятилетия кадастровая история приобрела необходимую наглядность и значимость, благодаря расширению географии вопроса⁵ и углублению проблематики, в частности, выяснению достоверности кадастровых документов на примере отдельных провинций и стран⁶.

В этой статье мы обратимся к конкретным вопросам: что вообще представлял собой кадастр в XVIII в., какие критерии учитывались при оценке собственности и как сводились воедино данные по всем общинам на примере одной из провинций штатов⁷ – Прованса. Мы обратимся к локальной истории для того, чтобы осветить наиболее важные аспекты кадастровой оценки в XVIII в. На примере Прованса мы продемонстрируем, как провинциальная администрация использовала кадастровые данные.

² Furetière A. Dictionnaire universel, contenant généralement tous les mots français tant vieux que modernes, et les termes de toutes les sciences et des arts. La Haye-Rotterdam, 1690. T. I.

³ Филиппов И.С. Наследие Римских землемеров в Средние века. Заметки об исследованиях последних лет // *Ius Antiquum*, 2007, № 1 (19). С. 242.

⁴ Bénévnt E. La vieille économie provençale // *Revue de Géographie alpine*. 1938. T. 26. № 3. P. 531-569; Letrait J.J. Les ressources agricoles de la viguerie de Draguignan au XVIIIe siècle // *Provence historique*. 1953. T. 13. № 3. P. 208-216; Boniface L. La viguerie de Saint-Paul-en-Provence au début du XVIIIe siècle // *Actes du 77e Congrès national des Sociétés Savantes*. Grenoble: CTHS, 1952. P. 301-306; Idem. La viguerie de Grasse en Provence au début du XVIIIe siècle // *Actes du 85e Congrès des Sociétés Savantes*. Annecy-Chambéry: Imprimerie nationale, 1961. P. 577-582.

⁵ Bourillon F., Clergeot P., Vivier N. De l'estime au cadastre en Europe: les systèmes cadastraux aux XIXe et XXe siècles. Paris: CHEFF, 2008; *Actes du colloque «Estimes, compoix et cadastres de l'Europe médiévale et moderne. Du document fiscal au patrimoine documentaire»*, Agde, 25-26 septembre 2015 (в печати).

⁶ Baehrel R. Affouagements et cadastres en Provence sous l'Ancien régime. Paris, 1959; Chouquer G., Favory F. Contribution à la recherche des cadastres antiques. Besançon: Presses universitaires de Franche-Comté, 1980. P. 28; Jaudon B. Les compoix de Languedoc (XIVe-XVIIIe siècle): pour une autre histoire de l'État, du territoire et de la société. Montpellier, 2011.

⁷ Принято выделять провинции элексонов (*pays d'élections*), где так называемые «элю», будучи, несмотря на своё название, ставленниками короля, претворяли в жизнь его постановления. В этих провинциях влияние короны считалось сильнее, чем в провинциях штатов (*pays, provinces d'états*), в управлении которыми соблюдалось условие согласовывать королевские сборы с местным собранием. Наиболее значительными из них считались Лангедок, Бретань, Артуа, Бургундия, где провинциальные штаты просуществовали до конца Старого порядка. В XVII в. функции провансальского всесословного представительного собрания были переданы Генеральному собранию общин. Многие другие провинции штатов, как, например, Дофине, и вовсе лишились представительных собраний в период с XV по XVII в.

Перед нами стоит задача описать, из чего состоял кадастр, кому было доверено составлять кадастр и как производилась качественная оценка имущества. Следует также задаться вопросом, совершенствовались ли в контексте растущего налогового обложения методы оценки собственности. Если да, то кто оказался главным звеном в разработке регламентов оценки? Наравне с соседним Лангедоком, Прованс пользовался плюсами «реальной тальи» (*taille réelle*): статус земли (ротюрной или дворянской) определял, платил ли собственник королевские налоги или нет.

В провинциях штатов соблюдалось условие согласования налогов с местным собранием, будь то провинциальные штаты – в Лангедоке, Бретани, Артуа, Бургундии – или, как в Провансе, Генеральное собрание общин (*Assemblée générale des communautés de Provence*). От всех провинций штатов и провинций реальной тальи эта провинция отличалась тем, что в Генеральном собрании общин, местном представительном собрании, только третье сословие обладало правом вотирования, а духовенство и дворянство в нём не имели голоса. Постановления собрания реализовывались в промежутке между ежегодными сессиями постоянной группы администраторов (*procureurs nés du pays*, «прирождённых» прокуроров провинции). Они вели административную переписку с провансальскими общинами, подготавливали прошения королю от имени провинции. Ими же были усовершенствованы правила составления кадастров, направленные на унификацию разнородных приёмов оценки в общинах для всей провинции.

В наиболее полно составленном кадастре можно было найти указания на тип собственности, качество угодий, занимаемую ими площадь и имя собственника. Но эти документы едва ли могли быть удобными для сборщиков налогов в пределах крупных административных единиц – вигерий (*vigueries*). Поэтому был введён в использование так называемый афуажмент (*affouagement*), содержащий обобщённую информацию по всем провансальским вигериям.

Энциклопедия Дидро и д'Аламбера даёт афуажменту следующее определение: «Список домохозяйств в каждом приходе, составляемый для справедливого и пропорционального распределения тальи»⁸. Энциклопедия Дидро связывает этимологию слова с «фуажем» (*fouage*), правом лесной вырубки для общинников, но более правдоподобная гипотеза соотносит афуажмент с другим «фуажем» – королевской податью в военное время⁹.

Сведения о самом первом афуажменте относятся к 1360 г.¹⁰ Афуажмент представлял собой унифицированный список облагаемой, ротюрной собственности по каждой вигерии. Он содержал обобщённую информацию, собранную из отдельных кадастров от общин, сгруппированных

⁸ Diderot D., *Alembert J. le Rond d'.* Encyclopédie, ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers, par une société de gens de lettres. Paris, 1751. T. I. P. 152.

⁹ Ibid. T. VII. P. 212.

¹⁰ Bibliothèque Mazarine (далее – В. Maz.). Ms 3432, б.н. Мемуар о форме, в которой были составлены старые и новые генеральные афуажменты провинции, [между 1771- 1775].

по вигериям, с указанием количества «фё» («очагов», *feu*) в каждой из них. В XVIII в. «фё» стал условной единицей, обозначающей собственность, оценённую в 55 000 турецких ливров. Фё мог быть целым и дробным.

Не-ротюрное, дворянское имущество (*biens nobles*), статус которого, напомним, в провинции реальной тальи не зависел от личного статуса владельца, не входило в кадастровый учёт. Дворянское имущество, несмотря на налоговые привилегии, подлежало «афлоринменту» (*afflorinement*). Это название образовано от условной единицы учёта, «флорина» (*florin*). Размер флорина разнился в зависимости от качества и потенциальной доходности фьефа. Обычно считалось, что один флорин равнялся 600 ливрам¹¹. Точно и однозначно определить его размер почти невозможно: он мог варьироваться от местности к местности с учётом разных факторов. Так, в Мартиге в 1702 г. флорин оценивался в 2 ливра 8 су¹². Насчёт всей провинции исчерпывающий анализ провести трудно из-за нехватки данных, которая, возможно, объясняется тем, что собрание держателей фьефов оставило после себя мало архивных данных.

Несмотря на неунифицированную ставку флорина, вплоть до конца XVII в. собрание собственников фьефов не проявляло выраженного желания провести новый афлоринмент, хотя каких бы то ни было препятствий тому со стороны королевской и провинциальной администрации не было: право проводить афлоринмент принадлежало исключительно собранию дворянства (*corps de la noblesse*). Это собрание представляло собой отдельный от провинциальной администрации орган, поскольку в его компетенцию входили вопросы, касавшиеся только дворян-собственников фьефов. Оно держало собственную казну и вводило небольшие сборы с сословия, для чего и проводился афлоринмент.

К концу XVIII в. в отношении собрания дворян Прованса в источниках часто используется другое наименование: «собрание собственников фьефов» (*assemblée des possédants-fiefs*). Фьеф подразумевал не только земельное держание, но и право сеньориальной юрисдикции. Сочетание обоих условий считалось необходимым для полноценного права на налоговое изъятие и признавалось дворянами и прокурорами провинции. Но собственники фьефов, пусть и не дворянского происхождения, входили в собрание, поскольку участвовали в афлоринменте и платили сборы. В связи с этим размытием межсословных границ провансальский историк аббат Кориолис с некоторым сожалением констатировал: «Можно сказать, что теперь дворянства больше не существует как сословия: его представители собираются не как дворяне, а как “собственники фьефов”, потому что речь идет не о личном статусе, а о владении имуществом, наделяющим собственника определёнными прерогативами, поскольку

¹¹ Cubells M. La propriété féodale en Basse-Provence dans la deuxième moitié du XVIIIe siècle: nobles et bourgeois // Sociétés et idéologies des temps modernes: hommage à Arlette Jouanna / J. Fouilleron, G. Le Thiec et H. Michel (dir.). Montpellier: Université de Montpellier 3, 1996. T. 1. P. 118.

¹² Archives départementales des Bouches-du-Rhône (далее – AD BdR). В 1011, б.н. Регистр кадастров Валь-де-Барселонет, 1702.

[эта собственность] дворянская; вне всякого сомнения, среди собственников фьефов можно найти и тех, кто платит фран-фьеф, что диаметрально противоположно статусу дворянина»¹³.

Провансальцам было немыслимо целиком доверить экспертизу собственности назначенным извне землемерам и экспертам, опасаясь завышенной, с их точки зрения, оценки¹⁴. Тем не менее, королевская администрация отдавала себе отчёт в необходимости усилить контроль над практикой составления кадастров. Формальным поводом было то, что вплоть до начала XVIII в. провансальские кадастры были очень разнородными. Регламент 1724 г.¹⁵, последовавший за королевской декларацией 1715 г.¹⁶, унифицировал критерии кадастровой оценки, использование единиц измерения, а также правила назначения временных комиссий по составлению кадастров и афуажментов.

Первая глава регламента определяла единицы межевания разных типов земельной собственности: плодородной и обрабатываемой земли, виноградников, оливковых рощ. Эталонной мерой длины была «эксская канна» (1,989 м) и её дробные (*multiples, sous-multiples*)¹⁷. Попытки провинциальной администрации распространить по всему Провансу использование этой меры длины можно найти уже в XIV в.¹⁸, но особого рвения что-либо менять общины не проявляли, хотя именно от решения общинного собрания зависел пересмотр кадастра.

Квадратная канна (*canne carrée*) использовалась для измерения площади в целях межевания, но неохотно применялась общинниками: им привычнее были так называемые аграрные меры, исходившие, например, из размеров земли, обрабатываемой за единицу времени, (*journal*, объём вспашки за день); из объёма полученного продукта (*éminée*, объём зерна, обрабатываемый за день). Особо оговаривались местоположение распашки и тип сельскохозяйственной культуры¹⁹.

В отсутствие унифицированной системы мер длина эксской канны несущественно разнилась в общинах, где она использовалась. Кроме того, к концу Старого порядка в употреблении остались меньшие единицы измерения: «пан», «пье» («пята»), «пус» («перст», приблизительно равный длине большого пальца)²⁰. Несмотря на видимую разнородность мер, надо отметить попытку «прирождённых» прокуроров провинции, составивших регламент 1724 г., совершить переход от мер продуктивности земли, рассчитанных на основе объема работы или полученного продукта, к мерам площади.

¹³ Coriolis H.-G. Op.cit. T. I. P. 25.

¹⁴ Jaudon B. Op.cit. P. 397-398.

¹⁵ Bibliothèque de Méjanes (далее – B. Méj.). Fond patrimonial, № 10379. Правила, данные прокурорами провинции инспекторам и экспертам по составлению кадастров для провансальских общин. Экс, 1724.

¹⁶ AD BdR. B 3393, № 817. Декларация о продлении десятины и капитации. Марли, 9 июля 1715.

¹⁷ Baehrel R. Op.cit. P. 100.

¹⁸ AD BdR. B 2 n° 440, 131. Цит. по: Arnaud C. Histoire de la viguerie de Forcalquier. Marseille: E. Camoin, 1875. T. I. P.519.

¹⁹ Busquet R. Les cadastres et les unités cadastrales en Provence du XVe au XVIIIe siècle, extrait des «Annales de Provence». Aix-en-Provence: Impr. ouvrière, 1928. P.11.

²⁰ Charbonnier P. Les anciennes mesures locales du Midi méditerranéen d'après les tables de conversion. Clermont-Ferrand: Institut de l'étude du Massif Central, 1994. P. 18.

Измерение площади было не единственной задачей кадастровой оценки. Следовало установить, были то пахотные, или заброшенные, неплодородные земли, или же территории, отведённые для фруктовых деревьев. Качество земли подлежало довольно упрощённой классификации: различались «хорошие», «средние» и «плохие» земли. Экспертам следовало определить тип земли и основной культивируемый вид растений. Оливковые рощи и виноградники измерялись в разных единицах.

Качественная оценка земли учитывала потенциальный урожай и удобство расположения земельных угодий: эксперты отмечали близость рек, ирригационных каналов, болот; расстояние до дорог и рынков²¹.

Вплоть до XVIII в. домашний скот также мог подпадать под кадастровый пересчёт. В этом отношении обнаруживается очевидная логика аграрного производства: домашние животные оставляли удобрения, которые при правильном использовании повышали плодородность земли²². Однако оценка скота производилась в соответствии с его потенциальной ценой при продаже²³.

В кадастр также входили указания площади, занимаемой жилыми зданиями или мануфактурами. В отношении последних надо отметить, что к середине XVIII в. стали заметными производство фаянса в Марселе, Апте, Обане, Мустье, оливкового масла высшего качества в Среднем Прованса; уже обрели славу парфюмерия Грасса, а также изготовление текстиля пограничного с Лангедоком Тараскона.

Можно сказать, что провансальская индустрия пользовалась налоговым преимуществом: в кадастры вносилась лишь половина от оценки потенциального дохода от мельниц, печей и используемых механизмов. Трудности возникали при учёте постепенного износа построек общего пользования, например, фонтанов²⁴.

Чтобы точнее выяснить доходность имущества, комиссары по афуажменту обращались к различным дополнительным указаниям. Оценщиков интересовала стоимость цензивы, размер десятины и сеньориальных податей²⁵. Однако контракты по продаже земли имели второстепенное значение. Эксперты могли обратиться к этим данным, но ни в коем случае не использовали их как основной документ для определения ценности земли: «Оценщики должны с сомнением изучать акты продажи или совместного держания, [...] им следует сопоставить, если это возможно, оценку с продуктом от собственности»²⁶.

²¹ В. Maz. Ms 3432, б.н. Копия проекта королевских «летр дё комисьон» (*lettres de commission royales*), март 1728 и протокола заседания прокуроров провинции от 13 апреля 1728 г.

²² Archives Nationales (далее – AN). H¹ 1239, f° 48. Мемуар о муниципальной администрации Прованса, [после 1766].

²³ В. Maz. Ms 3432, б.н. Копия инструкции комиссаров для проведения генерального афуажмента 1698 (использовался, судя по припискам, в 1728 г.).

²⁴ AD BdR. C 144, б.н. Основные принципы афуажмента, б.д.

²⁵ В. Méj. Fond patrimonial, f° 10379. Правила, данные прокурорами провинции инспекторам и экспертам по составлению кадастров для провансальских общин. Гл. II. Правила по составлению оценки («*Règles pour former l'estimation*»).

²⁶ В. Maz. Ms 3432, б.н. Инструкция для комиссии по афуажменту, 1728.

Как часто происходило обновление кадастров и афуажментов? Общины имели неограниченное право пересмотра кадастров в любое время с разрешения интенданта, а регулярность пересмотра афуажмента зависела от настойчивости прокуроров провинции. В принципе, в королевской декларации 1715 г. был прописан обязательный пересмотр афуажмента каждые двадцать лет. Но в реальности с конца XV в. он был проведён всего четыре раза (в 1471, 1665, 1698, 1728-1733 гг.), из которых два пришлось на правление Людовика XIV (1643-1715). В сводный документ 1665 г. были включены общины, ещё не существовавшие в 1471 г., но к XVII в. уже составившие собственные кадастры. Так, к примеру, к моменту составления нового генерального афуажмента в 1665 г. община Сен-Тропе существовала более ста лет, как минимум, с 1540 г.²⁷

Отсрочка генерального афуажмента могла привести к печальным последствиям для наиболее бедных общин, которые должны были платить налоги в соответствии с устаревшими данными. К примеру, после катастрофической зимы 1708-1709 гг. погибло немало оливковых рощ; общинники тотчас же попросили пересмотреть количество фё в пострадавших общинах, но были вынуждены прождать ещё двадцать лет до всеобщего афуажмента 1728-1733 гг. Наконец, в 1774-1776 гг. был устроен частичный афуажмент, в основном в гористых областях Верхнего Прованса, по результатам которого было сокращено количество фё в целом по провинции (с 3032 до 2897) при увеличении доли налога на общины Нижнего Прованса.

В 1728 г. вслед за ходатайством прокуроров провинции²⁸ было получено королевское постановление об организации работ: вигерии были условно разделены между 8 департаментами по проведению афуажмента. В каждый из департаментов направлялась комиссия оценщиков (*estimateurs*), или экспертов (*experts*). В некоторых случаях назначался землемер (*arpenteur*) для корректировки или составления дополнений к общинным кадастрам.

Право курировать работу оценщиков было закреплено за провинциальными штатами (*États de Provence*) рядом королевских указов (1554, 1559, 1563, 1569 гг.). После роспуска штатов в 1639 г. это право было унаследовано, хоть и не сразу, прокурорами провинции от Генерального собрания общин²⁹. В XVII-XVIII в. назначение на должности оценщиков производилось с одобрения «прирождённых» прокуроров провинции, составлявших дирекцию по афуажменту (*Bureau de direction*) во главе с президентом Генерального собрания общин Прованса, архиепископом Экским.

Как происходило объединение данных разнородных кадастров в единый афуажмент? В ходе так называемого «аливремента» (*allivrement*), с помощью которого производился перевод данных кадастров

²⁷ *Letrait J.-J.* Op.cit. P. 249.

²⁸ AD BdR. С 68, f° 219-220. Решение расширенного собрания прокуроров провинции по афуажменту, 13 апреля 1728. AD BdR. С 128, б.н. Протокол заседания расширенного собрания, 13 апреля 1728. AD BdR. С 128, б.н. Выдержка из постановления Королевского совета от 29 мая 1728.

²⁹ *Coriolis H.-G.* Traité sur l'administration du comté de Provence, par l'abbé de Coriolis, conseiller du Roi en la Cour des comptes, aides et finances de Provence. Aix, 1786. Т. I. P. 94.

в афуажмент, устанавливалась доходность имущества. Эта процедура позволяла вписать данные кадастров каждой отдельной вигерии с учётом уровня её экономического развития в общепровансальский контекст. Аливремент был необходимой мерой в отсутствие общего рынка собственности и того, что в наше время называется индексом «уровня жизни».

В кадастрах конца XVII – нач. XVIII в. указывалась стоимость «кадастрового ливра» (*livre cadastrale*)³⁰. Размер кадастрового ливра не был единым: в «зажиточных» общинах налог должен был быть, в принципе, выше, чем в бедных. Однако по регламенту 1724 г. один кадастровый ливр должен был равняться тысяче ливров оценённой собственности, хотя на практике его размер разнился в зависимости от достатка и доходности имущества общинников. Например, близ «столицы» Прованса, Экса, в общине Пюилубье (Puyloubier) один кадастровый ливр в действительности равнялся 1 250 турецким ливрам, а в Эвеносе (Évenos), находившемся на территории современного департамента Вар, – 4 900 ливрам³¹. Таким образом, провинциальная администрация добивалась реализации принципа «богатый платит за бедного» (*le riche portant le pauvre*).

Если размер кадастрового ливра не был фиксированным, то, как же он устанавливался? Протокол афуажмента, проведенного в Ламбеске в 1471 г., содержит описание визита оценщиков, из которого узнаём, что «стоимость» кадастрового ливра устанавливалась исключительно на основе доклада местных консулов (мэров или представителей городских муниципалитетов). Три столетия спустя комиссии по афуажменту также обращались к консулам общин за консультацией о «стоимости» кадастрового ливра.

Утверждение кадастра не могло обойтись без согласия общины. По регламенту 1724 г., после предварительной оценки черновик кадастра отправлялся на рассмотрение собрания глав семейств или городского совета для обжалования. Чтобы оспорить оценку, в течение 6 месяцев каждый член общины мог подать жалобу в Счётную палату (*Chambre des comptes*) провинции. Если провинциальная администрация одобряла аргументы общинника, к примеру, о некомпетентности или нерасторопности оценщиков³², производилась повторная оценка и перерасчёт данных в целом. Для пересмотра уже составленного афуажмента следовало вначале подать прошение прокурорам провинции.

Одной из важнейших привилегий провинции было право каждой общины самостоятельно решать, каким способом взимать налоги, и выбор часто выпадал на косвенное налогообложение (*rève*). К середине XVIII в. более 80 % общин прибегли к увеличению косвенных налогов на некоторые продукты (муку, мясо, вино) для выплаты доли «добровольного дара», выкупленных двадцатин и прочих податей. Для этого доля королевских и провинциальных налогов отдельной общины

³⁰ Он делился на 16 унций (*onces*), делимых на дробные доли (*quart d'once, siziers d'once*). Veaux L. Un microcosme, Mimet: village provençal au XVIIIe siècle. Gardanne: L. Veaux, 1992. P. 358.

³¹ AD BdR. С 2169, б.н. Протокол заседания прокуроров относительно общин, [прибл. 1774 г.].

³² AD BdR. С 1006, б.н. Письмо консулов общины Аршай (Archail) насчет экспертов по оценке, 13 октября 1774.

распределялась по объему потребления. Такой способ налоговых взиманий вовлекал и неучтённые слои населения, например, сезонных мигрантов. По приблизительным оценкам французского историка, аббата Жана-Жозефа Экпили (Jean-Joseph Expilly, 1719-1793), приток извне не превышал 0,55 %³³. Были также и внутренние мигранты, к примеру, из Верхнего Прованса³⁴. И те, и другие были вынуждены платить косвенные налоги, которые входили, например, в цену мучных изделий, на месте длительного пребывания.

Кроме того, в отсутствие повторного афуажмента, провинциальная администрация не учитывала увеличения площади ротюрной земли. С 1717 по 1790 г. внесённая в кадастры земельная собственность в западной части Прованса увеличилась на 17%³⁵. Это увеличение массы ротюрной земли не могло произойти лишь за счёт внесения неучтённых или ранее не эксплуатировавшихся земель; оно также означало сокращение фонда дворянской земли, которая уменьшилась почти на пятую долю, перейдя в число ротюрной и утратив налоговый иммунитет³⁶.

Эти глубокие изменения в составе собственности едва ли могли оказаться незамеченными собранием держателей фьефов. К середине XVIII в. члены собрания держателей фьефов ясно осознали негативные последствия сохранения устаревших данных афлоринмента, ведь наравне с ротюрной, с дворянской земли взималась доля выкупленных королевских двадцатин (*vingtièmes*). Но основная цель дворянства заключалась не столько в том, чтобы справедливо распределить долю налога, сколько в том, чтобы сократить её до минимума за счёт податного третьего сословия. Основным аргумент состоял в том, что в условиях заметно растущих цен и при сохранении завышенной ставки флорина неприбыльные фьефы обходились дороже их собственникам, хотя в целом приносили меньший доход³⁷, чем ротюрные.

Собственникам дворянской земли досаждала мысль о возросшей разнице в доходности ротюрных и дворянских земель, хотя сомнительно, чтобы сами сеньоры прилагали усилия по повышению рентабельности владений. Значит, каким-то образом требовалось подвести к общим критериям оценку дворянской собственности, чья доходность была выражена во флоринах, и ротюрного имущества, выраженного в условных фё. На этой почве появилась идея совместной оценки обоих типов собственности.

К 1771 г. благодаря совместным усилиям интенданта, губернатора провинции и архиепископа Эксского доселе безрезультатная дискуссия чуть было не сдвинулась с мертвой точки. В марте этого года прокуроры провинции и представители собрания держателей фьефов, казалось, пришли

³³ Terisse M. Publication du dénombrement de l'abbé Expilly dans le dictionnaire des Gaules et de la France. Dénombrement de Provence. Aix-en-Provence: Publication de l'Université de Provence, 1989. P. 95.

³⁴ Vovelle M. Les migrations en Provence au XVIIIe siècle // Recherches régionales. 1981. № 4. P. 10.

³⁵ AN H¹ 1239, f° 48. Мемуар о муниципальной администрации Прованса, [после 1766].

³⁶ Blaufarb R. The Politics of Fiscal Privilege in Provence, 1530s-1830s. Washington D.C.: The Catholic University of America Press, 2012. P. 127–128.

³⁷ AD BdR. C 250, f° 2. Наблюдения о Провинциальных штатах, [прибл. 1788 г.].

к взаимному согласию³⁸, но камнем преткновения стал вопрос о составе комиссии оценщиков. Дворянство настаивало на том, чтобы комиссия отчитывалась перед ним, прежде чем передать данные оценки в дирекцию по афуажменту. Цель была прозрачна: собрание держателей фьефов опасалось передать контроль над экспертизой в руки прокуроров провинции.

Обсуждение вскоре сошло на нет: есть сведения о закулисной игре влиятельных дворян³⁹, для которых пересчёт флорина, видимо, создавал непривлекательную перспективу роста налогообложения. В 1778 г., вслед за частичным афуажментом последовал лишь неполный пересчёт афлоринмента. Однако эта, пусть и неуверенная, попытка пересмотра афлоринмента явственно обозначила неоднородность интересов собрания держателей фьефов в конце XVIII в.

Усиление абсолютной монархии во Франции было неразрывно связано с правом короля вводить новые налоги, однако привилегии провинций штатов позволяли «выкупать» некоторые налоги и самостоятельно их распределять. В Провансе ключевое значение было придано кадастру, в котором содержались опись и оценка ротюрной собственности. Несмотря на сугубо утилитарный характер, процедура кадастрации и распределения налогов указывает на значительную степень децентрализации управления королевством на периферии. В этом вопросе необходимыми посредниками между королём и общинами были «прирождённые» прокуроры провинции. После 1639 г. ведение афуажмента целиком и полностью было вверено именно им. Но передача контроля не означала, что они могли оказывать давление на общинников: инициатива пересмотра кадастра исходила от общин, определение стоимости кадастрового ливра также производилось при участии местных консулов. В случае несправедливой, с их точки зрения, экспертизы собственники могли обжаловать её в Счётной палате провинции.

За пятьсот лет своего существования провансальский кадастр значительно изменился, но на протяжении всего этого времени принципиальную роль в оценке играла потенциальная производительность владений, а не возможная стоимость продажи. Позитивной тенденцией, зафиксированной в регламенте 1724 г., можно считать предпринятую прокурорами провинции попытку унифицировать методы и критерии оценки собственности.

Если при составлении кадастра производился детальный учёт собственности в отдельной общине, то процедура аливремента позволяла адаптировать налогообложение к экономическим реалиям каждой общины благодаря сохранению подвижной ставки кадастрового ливра, вопреки предписаниям королевской декларации 1715 г. В целом, исполнение монаршей воли было трудноосуществимым, что проявилось и в далеко не регулярном пересмотре провинциального афуажмента. Представляя собой несомненную выгоду для общинников, провансальский метод оценки собственности вкупе с провинциальными привилегиями затруднял королевскую централизацию.

³⁸ AN H¹ 1303, f° 279. Письмо прокуроров провинции Леклерк, Машерон, Декулэн, 1771.

³⁹ AD BdR. C 250, f° 2. Наблюдения о Провинциальных штатах, [прибл. 1788 г.].

Сам по себе кадастровый опыт Прованса трудно использовать для подведения масштабных итогов, но он даёт ключ к пониманию методов оценки налогооблагаемой собственности в провинциях реальной тальи в дореволюционной Франции. Вольности провинции обеспечивали достаточный минимум самостоятельности общин в вопросах распределения налогов и пересмотра кадастров, но затрудняли актуализацию кадастровых данных. Традиционная практика ведения кадастров, существовавшая ещё до присоединения Прованса к королевству в XV в. и тем более задолго до восшествия на престол династии Бурбонов, стала препятствием для мобилизации сил податного населения в контексте финансового кризиса конца XVIII в.

БИБЛИОГРАФИЯ:

1. Филиппов И.С. Наследие Римских землемеров в Средние века. Заметки об исследованиях последних лет // *Ius Antiquum*, 2007, № 1 (19). С. 235-245.
2. Alimento A. Le rêve de l'uniformité face à l'impôt: le projet du premier cadastre général en France // *Histoire & Mesure*. 1993. Т. 8. № 3-4. P. 387-416.
3. Arnaud C. Histoire de la viguerie de Forcalquier. Marseille: E. Camoin, 1875.
4. Baehrel R. Affouagements et cadastres en Provence sous l'Ancien régime (thèse supplémentaire). Paris, 1959.
5. Blaufarb R. The Politics of Fiscal Privilege in Provence, 1530s-1830s. Washington D.C.: The Catholic University of America Press, 2012.
6. Busquet R. Les cadastres et les unités cadastrales en Provence du XVe au XVIIIe siècle, extrait des «Annales de Provence». Aix-en-Provence: Impr. ouvrière, 1928.
7. Cubells M. La propriété féodale en Basse-Provence dans la deuxième moitié du XVIIIe siècle: nobles et bourgeois // *Sociétés et idéologies des temps modernes: hommage à Arlette Jouanna* / J. Fouilleron, G. Le Thiec et H. Michel (dir.). Montpellier: Université de Montpellier 3, 1996.
8. Charbonnier P. Les anciennes mesures locales du Midi méditerranéen d'après les tables de conversion. Clermont-Ferrand: Institut de l'étude du Massif Central, 1994.
9. Jaudon B. Les compoix de Languedoc (XIVe-XVIIIe siècle): pour une autre histoire de l'État, du territoire et de la société. Montpellier, 2011.
10. Letrait J.-J. Étude du cadastre de St.-Tropez en 1607. Nature et répartition des biens. Ressources économiques // *Provence historique*. 1962. Т. 12. № 49. P. 249-258.
11. Terisse M. Publication du dénombrement de l'abbé Expilly dans le dictionnaire des Gaules et de la France. Dénombrement de Provence. Aix-en-Provence: Publication de l'Université de Provence, 1989.
12. Veaux L. Un microcosme, Mimet: village provençal au XVIIIe siècle. Gardanne: L. Veaux, 1992.
13. Vovelle M. Les migrations en Provence au XVIIIe siècle // *Recherches régionales*. 1981. № 4. P. 10-43.

BIBLIOGRAPHY

1. Filippov I.S. Nasledie Rimskih zemlemerov v Srednie veka. Zametki ob issledovaniyah poslednih let// *Ius Antiquum*, 2007, № 1 (19). S. 235-245.
2. Alimento A. Le rêve de l'uniformité face à l'impôt: le projet du premier cadastre général en France // *Histoire & Mesure*. 1993. Т. 8. № 3-4. P. 387-416.

3. Arnaud C. Histoire de la viguerie de Forcalquier. Marseille: E. Camoin, 1875.
4. Baehrel R. Affouagements et cadastres en Provence sous l'Ancien régime (thèse supplémentaire). Paris, 1959.
5. Blaufarb R. The Politics of Fiscal Privilege in Provence, 1530s-1830s. Washington D.C.: The Catholic University of America Press, 2012.
6. Busquet R. Les cadastres et les unités cadastrales en Provence du XVe au XVIIIe siècle, extrait des «Annales de Provence». Aix-en-Provence: Impr. ouvrière, 1928.
7. Cubells M. La propriété féodale en Basse-Provence dans la deuxième moitié du XVIIIe siècle: nobles et bourgeois // Sociétés et idéologies des temps modernes: hommage à Arlette Jouanna / J. Fouilleron, G. Le Thiec et H. Michel (dir.). Montpellier: Université de Montpellier 3, 1996.
8. Charbonnier P. Les anciennes mesures locales du Midi méditerranéen d'après les tables de conversion. Clermont-Ferrand: Institut de l'étude du Massif Central, 1994.
9. Jaudon B. Les compoix de Languedoc (XIVe-XVIIIe siècle): pour une autre histoire de l'État, du territoire et de la société. Montpellier, 2011.
10. Letrait J.-J. Étude du cadastre de St.-Tropez en 1607. Nature et répartition des biens. Ressources économiques // Provence historique. 1962. T. 12. № 49. P. 249-258.
11. Terisse M. Publication du dénombrement de l'abbé Expilly dans le dictionnaire des Gaules et de la France. Dénombrement de Provence. Aix-en-Provence: Publication de l'Université de Provence, 1989.
12. Veaux L. Un microcosme, Mimet: village provençal au XVIIIe siècle. Gardanne: L. Veaux, 1992.
13. Vovelle M. Les migrations en Provence au XVIIIe siècle // Recherches régionales. 1981. № 4. P. 10-43.